

Обитаемый остров

Размышления о России идей, образов, больших денег, нефтяной ренты и кое-чём ещё

Пусть будет высшей целью общества одно: говорить, как чувствуем, и жить, как говорим...

Луций Аней Сенека

Теснейшая связь экономики и общественных умонастроений не подлежит сомнению. Может быть, поэтому представители гуманитарной сферы, от политиков до людей искусства, порой очень смело и размашисто судят о вопросах сугубо экономических. А как выглядят современное российское общество и стоящие перед ним проблемы «с другой стороны баррикад», то есть глазами экономиста? Об этом журнал «Социальное партнёрство» решил расспросить известного экономиста Леонида ГРИГОРЬЕВА.

– Каковы ныне мировые экономические тренды, их связь с социальными обязательствами государства и построениями в обществе?

– На мой взгляд, единого экономического тренда нет. Примерно с 2012 г. мы живём в эпоху «уравнивания» ВВП развитых и развивающихся стран, в то же время капиталовложения в развивающихся странах стали намного выше, чем в развитых. В расчёте на душу соотношение ещё раз в пять-шесть хуже.

Мировые тренды в самом общем виде – это изменения в демографии, сдвиг в сторону Азии мирового экономического роста по объёмам производства при одновременном и ещё весьма продолжительном отставании по объёмам на душу населения.

В частности, для россиян важно понимать, что мы – как бы между двумя разными трендами... Поставляем ресурсы и тем, и другим. Причём, если раньше делали это только «богатым», то теперь всё больше – быстрорастущим «бедным», которым бывает тяжело платить за них.

Настроения в обществе? На этапе длительного подъёма в Европе сформировался некий «западноевропейский антикоммунистический социализм» (дарю термин!), когда там устраивали колоссальные по своим объёмам перераспределения богатств, о чём даже не снилось в «великом и могучем» Советском Союзе. Пособия по безработице, другие социальные обязательства были выше, чем даже при «развитом социализме». Ныне же вся эта система в Западной Европе трещит по всем швам под влиянием бюджетного кризиса, всё той же... демографии (старики становятся довлеющим на её экономику фактором). США пока что «держат удар», в немалой сте-

пени благодаря притоку к ним населения извне, новых потенциальных латино- и афроамериканцев, и не только. Плюс производительность труда у них всё ещё выше, да и технический прогресс на высоте. Опять же кризисы для американцев – более привычное явление, они привыкли адаптироваться к ним поодиночке.

Словом, опыт «печальных настроений» сейчас надо черпать из романов, написанных в 30-е годы прошлого века. Подойдёт Эрих Мария Ремарк с грустной жизнью ветеранов в условиях кризиса...

– Как будет осуществляться выбор стратегического вектора развития страны – за кем идти: консервативным, ориентированным на социальный патернализм большинством, малочисленной, но имеющей сокращающийся доступ к принятию решений прослойкой либералов или поддерживать бюрократию, пытающуюся усидеть как бы на двух стульях? И где тогда найти объединяющую всех их сверхидею?

– Ну, сначала надо иметь в виду, что мы находимся в так называемой ловушке среднего уровня развития: уже в целом не бедные, но разрыв огромный между большими городами, новыми русскими и остальной страной – налицо огромное неравенство. Выстраивая стратегию будущего развития, необходимо учитывать фактор времени.

Нельзя забывать, что на наших глазах исчезает образованное поколение советской интеллигенции со своими знаниями и принципами, почти ушли крепкие советские бюрократы. Множатся чиновники нового типа, часто просто «царедворцы» – менеджеры для любых за-

дач без специальных навыков и знаний. Инфраструктурные проблемы и износ физических активов становятся всё более тяжёлым бременем (отсюда – учащение аварий), они предъявляют огромный спрос на восстановительные вложения не только в инфраструктуре, но и в добывающей промышленности, на транспорте, в городском хозяйстве.

Конкуренция различных секторов и отраслей экономики, социальной сферы за получение бюджетного финансирования становится со временем острее, так как денег требуют не только воспроизводство и модернизация действующих фондов – средства нужны и на новые вложения в развитие страны. Слабость частной финансовой системы остаётся проблемой: банки немощные, рынок облигаций так и не появился. Не решена задача – как использовать национальные сбережения внутри страны, минуя «карусель» вывоза своего и ввоза заёмного капитала...

Такой набор возможностей перестал соответствовать потребностям общества, в котором поколения до 40 лет уже не жили в СССР и «не помнят...» проблем того времени. Новая норма для состоятельной и высокообразованной части общества – демократия без коррупции, независимая судебная система, личная безопасность; для бизнеса – это возмож-

ность инвестирования без страха потерять право собственности, отсутствие рэкета. Для многочисленных бедных слоёв – устойчивость реальных доходов, отсутствие произвола; для молодых – перспективы участия в общественных процессах и возможность вертикальной мобильности в своей стране.

Известная формула про «верхи, которые не могут, и «низы», которые не хотят так жить, видимо, уже применима в мягком варианте. «Верхи» не могут достичь инновационного пути развития экономики без свободы социальных инноваций, защиты прав собственности, личной безопасности бизнесменов-инноваторов от рэкета. «Верхи» не могут поставить развитие на поток с помощью крупных инфраструктурных и иных проектов (в частности, коррупция высасывает средства). «Верхи» не могут бесконечно откладывать модернизацию и зависеть от неустойчивого внешнего рынка нефти для финансирования важнейших государственных программ.

Образованные (не бедные) «низы» уже выразили своё недовольство посредством уличного протеста. Есть и потенциально растёт протест бедных слоёв против «несправедливости», которая на Руси обнимает всё: от социального неравенства до «плохих бояр». Современный протест снизу, по существу, различается по социально-экономическим лозунгам, но достаточно схож по социально-политическим претензиям к властям, даже если он не выплёскивается на улицу.

Отсюда две проблемы – недовольство бедных и недовольство образованных. Недовольство среднего класса, интеллигенции развивается в условиях ограниченной парламентской системы. Недовольство бедных имеет огромную европейскую и мировую историю. В зависимости от типа развития страны недовольства могут влиять на распределительные решения властей и характер инвестирования в стране. Власти вряд ли стоит ожидать покоя – общество вышло из транзитивного шока и кризиса 1990-х (минус 43% ВВП длиной в 10 лет), оно предъявляет нормальные требования среднеразвитой рыночной демократии. При этом оно, можно сказать, стоит на старте перехода к более

развитой демократии, к экономическим и политическим изменениям. Кроме того, надо признать, что модернизация и переход к инновационному развитию как лозунги пока носят очень общий характер и нуждаются в раскрытии. Требуется определение позитивных целей для основных групп общества, так как вопрос об оптимуме невозможно решить сверху без самих граждан страны, причём очень разных.

Теперь несколько слов о так называемой сверхидее... Придётся маневрировать, надо просто «подтягивать» остальную страну. Мы сидим условно в районе 18 тысяч долларов ВВП на душу, когда перевалим через 25 тысяч, эта проблема обычно снимается. Останутся, правда, бюрократия, коррупция и т. д., но и этот разрыв между столицей и регионами, между «этими» и «теми» постепенно устранился, но не сам собой, а при активной деятельности самого общества, «креативного класса»... Этот период стране придётся прожить, несмотря ни на что.

– А что вы думаете об изменении шкалы ценностей в обществе в ходе смены поколений. Идут смена элит, появление «новых левых» и молодых западников, для которых экономические категории заслоняют этические

ские. Это накладывает на конфликт интересов малочисленного трудоспособного поколения и растущего числа пенсионеров. А есть ведь ещё и точка зрения, гласящая, что пожилые люди имеют право на обеспечение своих потребностей за счёт природной ренты...

– Вопрос с элитами – настолько простой, что он не имеет своего разумного ответа. Да, есть политическая, финансовая элиты. Но вы в то же время не сможете вот так взять и без революции сменить их, наладить новую систему. Новая система – это другая элита, другая ответственность... Мы уже, если помните, не раз меняли всё это – до сих пор в себя прийти не можем. А если всё же решите отнимать, то кому отдадите? И что те, новые, будут лучше прежних? Вопросы, вопросы, вопросы и одновременно опасности подстерегают нас буквально на каждом шагу...

В России ещё сохраняется массовое представление о её будущем как о хорошо образованной стране, что, естественно, не может не задавать высоких социально-экономических стандартов уже для представителей нынешних элит. А их дети, в большей доле пребывающие за границей, создают у российских и зарубежных наблюдателей образ молодых людей, дурно использующих лёгкие деньги и не подающих надежд на то, чтобы в будущем стать частью политической элиты.

Ещё одним важнейшим резервом для успешного восхождения страны может стать огромная русскоязычная диаспора, рассеянная сегодня по всему миру. Её перспективной частью являются примерно два миллиона представителей образованного среднего класса. Если мы хотим сохранить связь с энергичными, хорошо обученными соотечественниками и рассчитывать на них в исторической перспективе, значит, мы должны создать у себя институты, как минимум соответствующие таким условиям работы и жизни бывших россиян, в которых они пребывают сегодня в развитых демократических странах.

Многое во всём этом будет зависеть именно от российской правящей элиты, от её способности к компромиссу и еди-

нению русскоязычного мира. Пока же, как мне кажется, эта самая элита видит свою страну в будущем мире несколько иной, нежели покинувший родину средний класс.

В то же время высокое (в латиноамериканском стиле) социальное неравенство и слабая работа вертикальных социальных лифтов этому сильно препятствуют. Соответственно, модернизация и инновации не стали нормальным явлением, как это происходит в обычной рыночной экономике. Поэтому не общество и бизнес творят инновации и модернизируют себя. Это государство распространяет свой патернализм «от пенсионеров – к инновациям». И получается: чем больше бюрократизация, тем сильнее нагрузка на руководство страны, которое между чиновничьей текучкой пытается сверху динамизировать процессы развития. Скорость социально-экономических изменений замедлилась прежде всего из-за сложившихся групп интересов. Отсюда проблема перехода от институтов рынка, возникших в хаосе переходного периода 1990-х годов, к господству законов, рост бюрократии и необходимость «ручного управления».

Два слова на весьма избитую уже тему – вредна ли нефтяная рента для развития России? Полагаю, что при хоро-

ших социальных институтах рента – ресурс для развития. Без адекватных институтов она же – причина стагнации. Это доказывает наш нынешний опыт: вместо создания таких институтов началось огосударствление ряда управленческих функций в бизнесе, усилились бюрократизация и поддержка государственных компаний. Это решало три задачи: удовлетворяло рентоориентированные интересы крупного чиновничества, концентрировало ресурсы, создавало ощущение активной работы власти по решению проблем страны.

Несколько слов по «проблеме пожилых людей». Во-первых, их пока много, а потом начнёт уходить наше послевоенное поколение, оно продержится лет десять на голосовании... Оно – последнее, которое полноценно работало при Советской власти (хотя и без политических свобод). Пройдёт ещё какое-то время – и пенсионеры тоже будут уже не советские, которые что-то из себя представляли в 1980-х годах, участвовали в перестройке и считали, что им что-то полагается от этой жизни. А будут «следующие», замызганные, пенсионеры, во многом раздавленные 1990-ми годами, это будут совсем другие люди. И получится, что проблема пенсионеров постепенно будет сниматься. Идея же использовать на их нужды природно-ресурсную ренту – к сожалению, нереалистичная сама по себе. Кстати, пенсионеры сейчас более-менее не голодают. Вопрос именно в эффективности использования финансовых (рентных) ресурсов – проблема будущего страны в модернизации. В 1990-е годы им хватало на молоко и хлеб, но они потеряли доступ к колбасе, сыру и конфетам. И всё же не умирали с голода...

Словом, резюмируя, если бы меня спросили, как я представляю наихудший вариант для России в будущем без катастроф, ответ был бы простым: интеллектуальная элита «сезжает», политическая и собственники управляют страной из-за рубежа через юристов, охранников. Умные люди зарабатывают как-то деньги, готовят детей и тоже увозят... На месте остаётся средняя латиноамериканская страна 1970–1990-х, где ничего интересного больше нико-

гда не происходит и не изобретается... Таким образом, долгосрочная угроза для страны – не в том, что мы взорвёмся или разбежимся, а в том, что умные уедут, а останутся лишь... юристы с охраной собственности тех, кто уехал. То есть налицо угроза для любой страны – её превращение в «обитаемый остров» по братьям Стругацким, где к тому же есть армия...

– Почему, трансформируя социальную политику государства, за образец не берётся скандинавский опыт?

– Но у нас даже и близко не пахнет скандинавской ситуацией. Там был рост на базе устойчивых институтов. И там не выдерживает модель сейчас, хотя там более высокая производительность труда, другие, гораздо более христианские, отношения в обществе...

В России же, скорее, – более контрастное распределение, аргентинское, а, как известно, ни в Аргентине, ни в Чили никак не приемлемо завести скандинавское обслуживание пенсионеров. Наконец, Россия – совершенно уникальный случай в истории человечества, когда страна в страшных муках проводимой модернизации одновременно вывозит за рубеж сбережения в размере 8–10% ВВП! А ведь этого хватило бы, чтобы снабдить пол-Европы. А нерациональное использование экспортных доходов в придачу?!

– Реформа образования и науки в РФ – это, по утверждению многих, опасность утраты оставшегося научного потенциала...

– Здесь давно и многое уже упущено. Те наши соотечественники, что работают нынче на Западе и пока ещё говорят по-русски, не стали менять российское гражданство на западное – всё это им не мешает делать карьеру. Но у русского на Западе всё равно есть свой определённый «потолок», преодолев который ему там просто не дадут. Значит, пока работает моё поколение и пока на Западе говорят на русском языке, мы ещё имеем какие-то шансы на модернизацию. Но вот когда на Западе русские перестанут вспоминать о Москве и станут приезжать в Россию как в страну предков... то останется лишь цепляться за их верность нашей культуре, и не более...

– Проблема коррупции сегодня неразрывно связана с апатией и раздражением в обществе – с уверенностью в том, что «все кругом воруют» при одновременном... желании стать «одним из таких». Как же, наконец, разрубить этот «гордиев узел»?

– У меня есть теория классификации коррупции, которую довольно много и часто цитируют. Она в том, что есть коррупция и коррупция. Например, в ГИБДД, у которой свои побуждающие причины, своя логика – а, значит, и свои методы борьбы с ней. Есть верховая коррупция по госзаказам и, наконец, есть коррупция – захват государства, когда не подкупают чиновника, а этот чиновник поставлен фирмой и проводит законы в её интересах.

Что до противодействия коррупции, то её надо не просто выводить, а ещё и с умом её надо изучать, понимать. Кстати, российская её разновидность представляет собой гибрид западной и старой, в форме коррупции директоров советских предприятий: жена – на должность, сын – в престижный вуз МГИМО... Но постепенно наступает восточная коррупция – когда платят за всё, поскольку это часть отношений. Западная коррупция – когда платят так хитро, не сразу и поймашь. В России же – гибрид и того, и другого...

– Что, на ваш взгляд, могут сулить россиянам последние заявления правительства о нелёгких временах в экономике – росте безработицы и необходимости менять профессию и место жительства на фоне обязательств из «майских указов» президента?

– Что здесь можно сказать? Тщательнее изучайте указы президента. Страна должна озаботиться противодействием коррупции, усилением модернизации – все об этом знают, но одновременно совершают некие массовые камлания на сей счёт, и не более. Важны же конкретные действия, шаги...

У нас нет второй шоссейной дороги на Кавказ, нет дороги вдоль Волги... Проехать из Великого Новгорода в Ростов невозможно... У нас нет элементарных вещей... В конце концов, важно просто «вернуться» к Московскому княжеству в границах 1533 г. (Центральный федеральный округ плюс Нижний Новгород – в современных границах) и привести его в порядок, как исторические центры больших европейских держав... Мы всё ещё – самая большая страна, в которой ненормально дорога и труднодоступна земля – у нас её больше всех в мире, но одновременно и самой дорогой... Понятно, что трудная теперь стоит проблема, но решаемая. ■